

Н. СЕКЕРЖ

Ор 193
С. 58

Шлецкая защита

Огиз * 1941

ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. СЕКЕРЖ

3P 193
028

ИЛЕЦКАЯ ЗАЩИТА

Handwritten notes:
1938
1938

Копия
1970

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЛЕЦКАЯ-№2

О Г И З

Человеческое наследие

1941

СОДЕРЖАНИЕ

Туз-туба (Соль-гора)	3
Крепость „Илецкая защита“	5
Безусадный город	19
Тысяча девятьсот пятый год	19
За власть Советов	24
Габаль Самуила Цвиллинга	31
Откупщина на Актюбенск	37
За восстановление хозяйства	41
Районный центр	45

Редактор П. АФАНАСЬЕВ.

Тираж 6000. ФВ 1907. Подписано к печати 24-VII—1941 г. Печ. л. 2, вкл. л. 2, 40. Тип. эк. в поч. л. 00384. Цена 75 коп.

Тип. изд-ва „Чкаловская коммуна“, г. Чкалов, Ленинский ул. 42.
Заказ № 1023.

Туз-тюбэ (Соль-гора)

Табуи низкорослых косматых лошадечек бродил по степи. Каурый большеголовый жеребец настороженно прислушивался к шорохам и шелесту травы. Палило жаркое солнце. Кони продвигались на запад. Растительность становилась все беднее, и вскоре Мовиль сменился редкими кустиками молочая.

Каурый вожак шел впереди табуна. Копыта стучали о белые камни, разбросанные по пустынной степи. Вдруг он остановился и, подняв большую угловатую голову, принюхался. Влажные ноздри задрагивали от волнения. Слабый ветерок принес еле уловимое дыхание влаги. Жеребец, пронзительно заржав, ринулся вперед. За ним, то сбиваясь плотной массой, то рассыпаясь лавой, мчались остальные кони.

Мальчик-пастух, на вымышленной синей кобылке, еле поспевал за табуном.

Вскоре блеснула узкая полоска воды. Малая степная речонка текла между голых берегов. Вожак первым бросился в реку. Взмывнувшие брызги окрыли его на миг от остальных лошадей. Он остановился и, наклонив голову, жадно начал пить.

Мальчик подъехал к табуну.

Солнце уходило за горизонт, и косые оранжевые лучи его били в лицо. Белая высокая гора поднималась над степью, как большой снежный ком. Рядом с ней, плоская, будто опрокинутая лохань, лежала другая го-

ра. Мальчик тронул коня и медленно поехал вдоль реки. Высоко в небе клекотал орел, высматривая добычу. Сухая блеклая трава хрустела под копытами. Местами попадались серые блестящие камни. Мальчик остановил коня и легко спрыгнул на землю. Он нагнулся и поднял камень. В вечернем неясном свете камень искрился как кусок голливия, и невозможно было сказать, какой его настоящий цвет. Он то казался прозрачным и белым, то вдруг приобретал серовато-синие оттенки. Мальчик размахнулся и бросил его. Упав на землю, камень рассыпался на десятки мелких кусочков. Пастух пошел дальше. Везде, по всему склону, валялись серые, синие и белые камни. Иные были, словно червильи, источены водой, другие еще сохраняли твердость.

В одном месте земля осыпалась и обнажила светлую, твердую глыбу. Нагнувшись, мальчик потрогал ее рукой: она еще хранила в себе полуденный жар. Пастух захотел пить. Он провел ладонью по запекшимся сухим губам и почувствовал на них вкус соли. Мальчик удивленно посмотрел на руки, лизнул палец языком, затем вскрикнул и упал на колени, прижимаясь губами к соленому камню.

— Туз-тюбэ! — воскликнул он и, набрав блестящих камней в седельные сумы, сел на коня и поскакал к далекому казахскому кочевью, чтобы сообщить о соленой горе.

...Может быть это было и не совсем так, но, во всяком случае, честь открытия илецкой каменной соли принадлежит местным жителям-кочевникам, а время открытия относится к далекой древности.

Еще в книге „Большому чертежу“, составленной во время царствования Иоанна Грозного, упоминается гора „Тустеби“ (Туз-тюбэ — соль-гора), находящаяся на берегу „реки Илез“, т. е. реки Илек.

Долгое время кочевники-казахи и башкиры пользовались этой солью для собственных нужд, выламывая

зе почти с самой поверхности земли. Гора почиталась священной. Кочевники клали у ее подножья меха и другие жертвоприношения, с молитвами ходили вокруг, предварительно совершив омовение в ближайшем озере.

Слава о соляной горе распространилась далеко за пределы Илека и Яика. Соляные богатства привлекали русских предпринимателей, постепенно проникавших в необжитые, необъятные степи.

В 1737 году при илецких соляных копах образовалось поселение из яицких казаков и выходцев из внутренних областей России.

Крепость „Илецкая защита“

Илецкой солью заинтересовался оренбургский губернатор Неплюев. В 1744 году на Илецкое месторождение был послан майор Кублицкий с воинской командой. Несколько месяцев экспедиция производила разведку соляного пласта. Было выбрано 23 шурфа, на глубину до 3 сажней каждый. Неплюев в том же году сообщил о соляной горе в Санкт-Петербург.

В 1746 году по „высочайшему повелению“ в Оренбург прибыл англичанин Минс — полковник Ревельского драгунского полка. Пользуясь широкими правами, Минс совершил посадку в Илецкое поселение и осмотрел соляную гору.

Несколько лет тянулась междоусобственная переписка, составлялись различные проекты, и лишь в 1753 году Илецкое месторождение поступило в ведение казны.

По указу правительственного сената, 7 мая 1753 года в Оренбурге было открыто Соляное управление и построена казенный соляной магазин. Продавалась илецкая соль по 35 копеек за пуд.

Однако казна не могла надежно, с наибольшей вы-

годом эксплуатировать промысел, находившийся далеко от столицы и даже от Оренбурга.

Тогда сотник Оренбургского казачьего войска Алексей Углицкий решил променять военную славу на торговые барышни. Он подрядился добывать илецкую соль в течение 4 лет и поставлять ее в оренбургские магазины до 50 тысяч пудов в год по 6 копеек с пуда.

Прежде всего промысел нужно было обезопасить от нападения казаков и башкир, которые были недовольны вторжением шиземцев, бесцеремонно копавшихся в „святой горе“.

И сотник решил построить крепость. Получив в Оренбурге несколько десятков ссыльных каторжан, роту Алексеевского полка и артиллерию, он двинулся „в поход за соль“.

На берегу реки Елшанки, в 200 сажнях от соляного месторождения, началось строительство. День и ночь стучали топоры, лопаты и кирки.

К концу лета 1764 года выросла крепость — „Илецкая защита“. На земляных батареях стояли пушки. Рота Алексеевского пехотного полка составляла гарнизон крепости.

В крепости находился провиантский магазин, казармы для солдат, дома для „господ офицеров и чиновников“, две церкви. Между крепостью и озером располагалось около ста двадцати домиков из саманного кирпича, в которых жили первые русские поселенцы.

Через двадцать лет, в феврале 1774 года, Илецкая крепость была разрушена войсками пугачевского полковника — Хлопуши. Но в этом же году вновь восстановлена.

Кроме гарнизона и казаков, в крепости, с первых же дней ее существования, находилось до 150 человек ссыльных, работавших на добыче соли. Тогдашняя Оренбургская губерния была мало населена, и в рабочей силе был острый недостаток.

Сыльные каторжане были первыми солерубами, соленосцами и солевозами.

Ежегодно управляющий промыслом слал бумагу за бумагой с просьбами прислать сыльных для работы на промысла. Почти ежегодно на рудник прибывали крупные партии сыльных.

Из сообщения оренбургского военного губернатора князя Волконского видно, что по царскому указу в 1816 г. из Казани направлено в Илецкую заштиту „до 250 сыльных“, а в случае увеличения работ количество сыльных обещано довести до 300.

От деревни к деревне, по проселочным дорогам, через леса и степи, в зной и стужу тащились под конвоем солдат закованные в кандалы „рабочие люди“. При каждом из них имелась примерно такая „подорожная“:

„Посланного, при сем доставленного в сие правление приставейного списка Владимирского земского суда, Владимирской округи, деревни Аксентовой крестьянина Луку Андреева, по решению Владимирской палаты уголовного суда за возбуждение в деревне Кординой, крестьянского дома, наказанного кнутом 80 ударами, следующего вечно в каторжную работу в г. Иркутск, в Иркутское губернское правление, но по силе состоявшегося именного высочайшего указа в 31 день августа 1806 года 3-го пункта, направленного для подлежащей разработки на Илецкую заштиту соляного промысла к Оренбургскому военному губернатору имеют земские суды, каждый через свой усад, препроводжать от селения до селения закованного в ножные кандалы, за крепчайшею обязательскою стражею до города Оренбурга, по приводе предстать его к тамошнему военному губернатору князю Волконскому“.

Промысел рос, илецкая соль завоевывала рынок. С 1708 года илецкая соль (по солевозному тракту) доставляется уже до Н.-Новгорода, а оттуда развозится

по Волге в другие города. В начале 80-х годов XVIII столетия Илецкую заштиту посетил известный путешественник П. С. Паллас, который в своей книге „Путешествие по разным провинциям Российской империи“ говорит, что разработка соли в это время производилась уже на территории около 60 сажень в длину, 9—10 сажень в ширину при глубине до 3 сажень.

Подробные сведения об Илецком соляном месторождении приводит профессор Казанского университета Бабет, посетивший Илецкую заштиту в 1851 году. В „Оренбургских губернских ведомостях“ за 1853 год он пишет:

„Соляной штук покрыт слоем земля не ровной толщиной от нескольких аршин и до нескольких саженьей... Во все стороны от него расстилается степь с холмами из красного песчаника, известкового мергеля и гипса. На краю штюка, с северной стороны, возмывается гипсовая гора, оканчивающаяся на западе утесом. Она издали похожа на насыпной курган и служит до сих пор маяком для караванов, идущих из Хивы в Оренбург. Гора имеет протяжение на восток и здесь уже она не так высока и служит пристанищем в бурное время киргизам, кочующим по берегам Илеца. Весьма вероятно, что киргизские табуны открыли соль, тем более, что соляной штук лежит у подножья горы весьма близко от поверхности земли, так что сильная весенняя вода часто его совершенно обнажает“.

Разработка илецкой соли производилась так: сначала пласт соли очищался от поверхностной земли и выравнивался. Топорами на длинных и гибких топорищах солерубы вырубали правильные борозды глубиной до аршина, эти борозды пересекались затем поперечными. Расстояние между ними было от одного до пяти аршин.

Насеченные глыбы („кабаны“) отделяли от пласта. Для этого применяли так называемый „барс“ — боль-

Вид на соляное озеро и соляную гору.

шое бревно, окованное на одном конце железом. Ударами „барса“ глыбы соли выламывались, затем дробились на более мелкие комья и складывались в бунты. Соль в бунтах доставлялась или вручную на тачках или наждами на плечах. Даже такой примитивный способ, как удары „барса“, уже представлял собою некоторую „механизацию“ и облегчал труд. В большинстве же случаев выламывание соляных глыб производилось при помощи железных клиньев, забиваемых под низ соляного косяка. Потом глыбу выворачивали деревянными вагами и разбивали на комья.

Эта каторжная работа требовала большой затраты физических сил, быстро изнуряла рабочих и вела их к

преждевременной смерти. Ежегодно десятки ссыльных, рискуя жизнью, убегали с промысла. Лучше смерть во время побега, чем мучительное ожидание ее от истощения, думали они. Никакие меры, принимавшиеся промысловым начальством, не могли предотвратить огромного числа побегов ссыльных, находивших убежище в бескрайних оренбургских степях.

Жалобно звучит рапорт Илецкой соляной конторы оренбургскому военному губернатору, поданный в июне 1818 года.

„С наступлением нынешней весны, при всем старании предлагаемом со стороны местного начальства к прекращению побегов ссыльных рабочих, многие из них бежали и по сделанному в то же время от сей конторы распубликованию с описанием примет их, очень мало из них поймано и обратно прислано“.

В том же рапорте сообщается, что из поступивших „с августа месяца 1818 года ста шести ссыльных в течение весны и лета 1818 года бежало шестьдесят пять человек“, хотя контора „к прекращению побегов, какие в руках ее средства, все оные употребляет и не делает ни малейшего послабления в надзоре“.

Тяжелая работа, неадекватность надсмотрщиков и горных начальников, скотские условия жизни — вот что заставляло ссыльных бежать с промысла. Даже соляной пристав Третьяков в своем рапорте оренбургскому военному губернатору признает, что „обнесенный палисадом острог, равно и внутри оного вкюоче пять казарм, ныне пришли к совершенную ветхость, так что и в починке совсем неспособен. От чего и рабочие люди претерпевают крайнее изнурение“.

Неадекватность надсмотрщиков не имели предела. Ссыльный не считался человеком. За малейшую провинность его могли бить кнутом, рвать ноздри. Ноздри рвали ссыльным даже по указанию питейгера. Посетивший Илецкую заштату советник министерства внутрен-

них дел Егор Канкрин вынужден был в „проекте о соли“ указать: „Наказывать батогами и обивать поздри лишь в силу судебных приговоров“¹.

Иногда осмыленные, не выдержав побоев, глумлений и тяжелой работы, решались не только на побег, но и покушались на убийство наиболее злобных и ненавистных штейгеров и надсмотрщиков. В январе 1827 года „смыльнорабочие Михайло Найденов, Федор Кулагин, Николай Квашиин и Гаврило Сергеев сумыслили заговор на лишение жизни кого-либо из чиновников“². Что побудило их?

Шихтмейстер Слощцов был грозой промысла. Когда он появлялся на разработках, смыльные трепетали. Пинки, зуботычины, удары железной тростью сыпались налево и направо. Малейшая неисправность в работе влекла за собой порку.

Штейгер Мачин не отставал от своего начальника. За какое-то незначительное упущение он приказал заковать в кандалы Николая Квашиина и Гавриила Сергеева. По его доносу были обриту головы Федору Кулагину и Николаю Квашиину. Для большего морального унижения на них надели „рогатник“ — шутовские колпачки с бычьими рогами.

Мачина смыльные ненавидела и за то, что он принимал порох, отпускаявшийся на подрывание соляных глыб, и заставлял рабочих ломать соль клынями и молотами.

Выведенные из терпения рабочие решили освободиться от ненавистного штейгера Мачина. Все было готово для осуществления задуманного плана. Но среди заговорщиков оказался предатель. Михайло Найденов выдал своих товарищей. Началась расправа. Избитых смыльных бросили в вонючую мокрую камеру.

¹ Чкаловский областной архив. Дело № 1279, стр. 24.

² Чкаловский областной архив. Дело № 130, стр. 2—3.

Вскоре над ними состоялся суд, который приговорил их „бить вощадно плетями и, вырвав ноздри, сослать в Иркутск в вечные работы“.

Но ни битье кнутом до смерти, ни вырывание ноздрей не могли прекратить побегов, которые часто совершались при прямом попустительстве и содействии солдат Илецкого гарнизона.

Четвертого марта 1816 года рабочие Гаврила Силантьев, Иван Незнаев и Никифор Сенников убежали через двери, вблизи которых находился вице-унтер-офицер Орского гарнизонного батальона Августин Иванов.

В своем рапорте комендант крепости капитан Кривков признает Иванова виновным в том, что он не проверил прочность двери, которую бежавшие выломали. Оренбургский губернатор наложил на рапорте резолюцию: „За такую оплошность и неприматие должной предосторожности предписываю вам вице-унтер-офицера Иванова наказать палками, впредь на будущую осторожность, дав 50 лозанов“.

Постоянные побегы осмысленных, нападения кочевников на транспорты с солью затрудняли ее добычу и отправку в центральные губернии.

Промысел развивался медленно. Это было наруку оренбургскому начальству, которое опасалось, что Илецкая защита вдруг обгонит Оренбург.

Все мероприятия, предлагавшиеся разными лицами для улучшения работы соляного промысла, или застревают в недрах губернаторской канцелярии, или к проектам, отсылавшимся в столицу, прилагались такие „пояснения и мнения“ губернатора, что, прочитав их, никто уж, конечно, не читал самих проектов.

Один из ближайших царских приближенных, адъютант свиты царя, полковник Струков, во время командировки в Оренбург убедился, что за счет илецкой соли можно поправить свои финансовые дела. По возвра-

щении в Петербург он сочинил и подал на „высочайшее имя“ проект нового солевозного тракта и предложил ряд мер, обеспечивающих его от нападения местных жителей-кочевников.

По личному распоряжению царя материалы были направлены в Оренбург.

Но даже царского вмешательства было недостаточно для оренбургского губернатора. Составив комиссию из офицеров инженерных войск, губернатор поручил ей дать заключение.

Комиссия несколько месяцев путешествовала по степям и, написав 300 листов бумаги, пришла к выводу, что проект не выгоден. На этом, казалось, все кончалось. Но недаром Струков был царским приближенным: в Петербурге он отстаивал свои выводы, получил ссуду в 50.000 рублей и назначение управляющим промыслом.

В 1810 году начинается устройство нового солевозного пути. Пограничная линия передвигается к востоку.

В 1816 году по царскому указу было учреждено особое сословие солевозов. Сотни крестьянских семей были приписаны к промыслам и расселены вдоль всего солевозного тракта.

Илецкая соль теперь шла в Самару и Рыбинск, а оттуда по всей России. Однако добыча соли на промысле плохо развивалась. Подневольный труд каторжан и крепостных крестьян был мало производительен. Поэтому в 1849 году осмысленные, проработавшие длительное время в Илецкой защите, были по „Высочайше утвержденному мнению Государственного совета“ обращены в сословие мастеровых.

Безуездный город

(Жизнь Илецкой защиты—поселения, возникшего возле соляного месторождения,—тесно связана с деятельностью

промысла. Основным источником существования населения была работа на соляном промысле.

По 14 часов в сутки рабочие рубали, носили и возили соль. Ничтожная заработная плата обрекала их на полуголодное существование. Солерубы зарабатывали в месяц от 5¹/₂ до 6¹/₂ рублей, земледельцы от 4 до 4¹/₂ рублей. Впоследствии начали платить за работу и каторжникам. Егор Канкрин — советник министерства внутренних дел — в своем проекте о соли, чтобы больше заинтересовать землевладельцев в увеличении добычи соли, считал необходимым повысить их „заработок“ и платить „солесолосцам сверх провианта одну копейку в день“.

Здесь опять столкнулись интересы Илецкой защиты и Оренбурга.

Оренбургские купцы и промышленники не могли допустить укрепления своих соседей. Тем более, что и так уже торговля в значительной части передвинулась в Илецкую защиту.

Казахские караваны уже не шли в Оренбург, а, остановившись в Илецкой защите, меняли свои товары на товары илецких купцов.

Рост населения и увеличение удельного веса Илецкой защиты, как промышленного пункта, дает повод илецким властям выдвинуть проект превращения ее в „горный город“. Началась переноска. Различные комиссии, создаваемые канцелярией губернатора, обсуждали этот вопрос десятки раз.

Волокита тянулась с 1843 по 1886 год, пока вся эта бумажная гора, составившая объемистое дело на 425 страницах, была сдана в архив.

В самый разгар борьбы с Оренбургом, в 1864 году, Илецкая защита представляла скопище деревянных и саманных домиков, укрывшихся за земляным валом с тремя воротами.

Вал уже никакого военного значения не имел, хотя попрежнему на нем ржавели древние пушки, и круг-

лые чугунные ядра лежали возле них. По старой традиции стояли у ворот часовые.

Площадь города, окруженная крепостным валом, составляла „от востока на запад 535 и от севера на юг 620 сажений“.

Чиношники соляного управления, мастеровые, рабочие и их дети, купцы, мещане, оставшие чиновники, солдаты и казаки Оренбургского войска — вот население Илецкой защиты, общая численность которого достигала 1276 мужчин и 1165 женщин.

Строительство общественных зданий не производилось. Еще в 1829 году оренбургский мещанин Дмитриев осмелел просить разрешения на открытие гостиницы. В этом ему оренбургской городской думой было отказано. Свой отказ дума мотивировала так:

„По положению о гостиницах посреещено с определением больших интрафов впускать в оные солдат, слуг господских и всех в простом крестьянском платье, а пребывающие в селении Илецкой защите, исключительно самого малого числа офицеров и чиновников, все другие солдаты, с которыми наравне должны полагаться и казаки, да мастеровые и рабочие люди промысла; приезжающие же сюда по соляной промышленности люди простого крестьянского и мещанского сострашня, потому и нет видов надобности в таковой гостинице“.¹

Очевидно по этим же „мотивам“ не было в Илецкой защите больницы, и даже мысль о ее создании была сочтена губернатором „безвременной“.

В 1865 году по царскому указу Илецкая защита стала безуездным городом. Но от этого ничего не изменилось. Правда, поимилась городская дума, городской староста, и жители стали величать себя горожанами. Но попрежнему население росло медленно. В 1868 г. в

¹ Челябинский областной архив. Дело 9329, стр. 4, 5.

городке насчитывалось 207 деревянных да 5 каменных частных домов, а всего было 9 каменных зданий и 284 деревянных. Зато в городе в то время было две каменные церкви, одна часовня и одна деревянная мечеть. Город во многом был хуже окрестных казачьих станиц. В частности, в Илецкой защите немало домов отапливали „по-черному“.

„Так как черные избы не имеют труб, то вся внутренность избы обыкновенно скоро коптеет и делается совершенно черною, особенно потолок лоснится от сажи, как под лаком; впрочем над челом печи, для выхода дыма, прорубается в потолке отверстие, в которое сверху вставляется деревянная труба. Черные избы представляют ту выгоду, что они во время зимы всегда бывают сухи, теплы и потому удобны для вечерних занятий, но с другой стороны они чрезвычайно неспосны во время теплы — утром, потому что бывают наполнены дымом и холодом“.¹

В городе существовала единственная школа, открытая в 1821 году. Она называлась Илецкая горная школа министерства финансов, предназначалась для детей мастеровых и рабочих соляных промыслов и была разделена на два класса. Учащихся в ней было 38 человек.

В городе имелись следующие „промышленные заведения“: 19 лавок на базарной площади, три кушницы, торговая баня, 7 ветряных мельниц, бойня, водяная мельница и кожзавод. Особенно процветали питейные заведения: „Уютный“, „Надежда“, „Соляной“, „Белая“, Илецкий, Яковлевский, Илецко-защитинский, Гуляковский, Песчановский, Забегайловский, Наследовский и Александровский — с общим „питейным“ оборотом на 10660 рублей серебром в год, тогда как весь го-

¹ Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 217.

родской бюджет выражался в смехотворной сумме: приход 8236 рублей, а расход 8071 рубль.

Шли годы. Менялись способы добычи соли, увеличивался размах работ, менялись хозяева, но неизменно оставалась тяжелая жизнь. Деды, отцы, дети с малых лет и до глубокой старости, на протяжении многих десятков лет, выламывали из недр земли соль, которая в руках кушцов превращалась в золото.

В 1877 году правительство сдало Илецкое месторождение каменной соли в аренду оренбургским кушцам-богачам: Деву, Дюкову и Оглодкову. В 1877 году они начали подземную добычу соли.

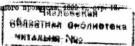
Стремясь выкачать из промысла возможно больше прибылей, арендаторы мало заботились о благоустройстве рудника.

Рудник сообщается с земною поверхностью двумя шахтами, одна из них в настоящее время достигает глубины слишком 20 саженей, а другая 62 сажени. Они носят название „подземной“ и „воздушной“ шахт. „Подземная“ служит для доставки выработанной соли на поверхность и снабжена необходимыми для этого механизмами, которые приводятся в действие 40-сильною паровою машиною... Воздушная или путевая шахта служит исключительно для подъема и спуска рабочих и в ней устроены пологие удобные лестницы с перилами.¹

Арендаторы не покушались на устройство подъемной машины для выдачи на-гора соли, так как это увеличивало добычу, а рабочих заставляли по четыре раза в день по шатким деревянным лестницам подниматься и спускаться на глубину 100 метров.

Большой силы достигает эксплуатация рабочего класса в девятисотых годах. Промышленный кризис 1901—1903 гг. освободил много рабочих рук. Из Уфы,

¹ Очерк Илецкого солевого промысла, 1880 г., стр. 18.

Самары, Оренбурга возвращаются в Илецкую защиту жители, уезжавшие на заработки и в результате кризиса оставшиеся без работы.

В те времена на промысле существовала поделно-сдельная оплата труда.

Каждое утро сотни рабочих приходили к воротам рудника и в угрюмом молчании стояли перед „казармой“, ожидая „разводки“. За полчаса до начала работ приказчик выстраивал их и проходил вдоль шеренг. Тот, кто почему-либо ему не понравился, уже и не рассчитывал на работу

— Выйди вон! — кричал приказчик и выталкивал того из строя. Иногда „господа приказчики“ позволяли себе „шутки“.

— Сегодня рабочих надобно два человека, — заявлял приказчик и молча смотрел на собравшуюся толпу, словно выбирая, кого же взять. Голодные люди подступали ближе, каждый хотел оказаться на виду.

В теплом тулупе, высоких сапогах и меховой шапке, приказчик пытался, а за ним, уминая снег, надвигалась толпа плохо одетых, полубосых рабочих. Когда приказчику надоедало шутить, он кричал:

— Становитесь на разводку! — и выбирал нужных рабочих, готовых за любую цену продать свои рабочие руки, лишь бы не умереть с голоду.

Работать было нелегко.

— Нормы назначались такие, что мало-мальски среднему человеку не выработать, — вспоминает старейший рабочий рудника т. Врремов. — А как чуть приостановился или не выполнил норму, так уж завтра лучше не приходи: приказчик все равно на работу не возьмет. Не брали на работу также „недогадливых“. Если новичок, проработав три дня, не догадался угостить приказчика, — то такому на руднике остаться было трудно.

Никто не был уверен, что сегодня он будет работать и что-нибудь заработает. Никаких сбережений у боль

Шиньства рабочих, конечно, не было, и семьи, иногда в 7—8 человек, ежедневно с нетерпением ожидали кормильца. Для очень многих жителей Илецкой защиты работа на руднике являлась вопросом жизни и смерти.

Тысяча девятьсот пятый год

В январе 1904 года на Дальнем Востоке разразилась русско-японская война. Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение: отвлечь пролетарские и крестьянские массы от революционной борьбы, патристическим угаром затуманить мозги народу и остановить революцию.

Однако плохо вооруженная и руководимая бездарными генералами русская армия все время терпела поражения.

Рабочие и крестьяне сознавали вред войны для России.

Независть к царизму росла с каждым днем. Война отчетливее вскрыла и обострила все противоречия между народом и правительством царя. Революционное движение нарастало повсеместно. Царское правительство пыталось задуть его, вылавливая и ссылая лучших людей в отдаленные местности.

Илецкая защита с ее каторжной тюрьмой была таким местом ссылки.

Политические ссылки в Илецкой защите среди рабочих железной дороги и соляного рудника находили благодарный революционный материал.

В 1905 году они организовали подпольный революционный кружок. Собрания проводились тайно — или на квартире у одного из членов кружка, или за городом, в кустарнике на берегу реки Еланьки. Приходились поодиночке, кто-нибудь захватывал гармонию. Стояло появиться на

горизонте „подозрительному“, как немедленно беседа прерывалась и начинала играть гармонь.

Кружок вел работу среди жителей Илецкой защиты, ближайших поселков и среди шахтеров соляного промысла. Кружковцы разъяснили истинный характер и цели русско-японской войны, призывали рабочих и крестьян всерьезно уклоняться от мобилизации в царскую армию. В чайных, трактирах, на работе беседовали члены кружка с отдельными рабочими, крестьянами и казаками. Заходили в гости к знакомым и, словно незнакомым, заводили речь о войне, о письмах, полученных от земляков-солдат из действующей армии. Перебирали фамилии знакомых, погибших на войне, и, вызывая толпы на откровенный разговор, спрашивали:

— А за что он погиб, кому его смерть пользу принесла?

Кружок не был оторван от общего революционного потока, Оренбургские социал-демократы руководили его деятельностью.

Участник кружка товарищ Грачев вспоминает: „К нам приезжал из Оренбурга рабочий-кондитер, фамилии которого я не помню. Он собрал кружок, рассказал о революционных событиях в России и призывал нас возглавить в Илецкой защите борьбу против самодержавия. С лозунгами „Долой царя-убийцу“ и знаменами мы организовали демонстрацию и уличный митинг. Настроение было праздничное. Революционный подъем захватил почти все население города. Полиция и стражники присмирели и попрыгались. Две недели манифестанты ходили по улицам. В марте 1905 года для подавления „бунта“ и „поддержания порядка“ из Оренбурга в Илецкую защиту прибыла полусотня стражников. Они не жалели плетей. Избивали без всякой пощады мужчин и женщин, и стариков и молодых. Моему брату довелось отведать казачьей плетки. Начались массовые аресты. Почти все члены кружка были схвачены“.

В Илецкой защите было введено осадное положение. Показывавшихся на улицах граждан поролли палками. Но разгром демонстрантов и арест кружковцев еще не означал разгрома революционного движения в Илецкой защите.

В 1905 году на соляном руднике работало свыше 400 шахтеров. Положение их было крайне тяжелым. За 14-часовой рабочий день шахтер получал всего 45 копеек.

Зимой 1905 года шахтеры под влиянием революционной пропаганды, невыносимых условий труда и низкой заработной платы решили наконец забастовать.

Вот как рассказывает о забастовке рабочий сольрудника тов. Ефремов: „Пришли мы к управленческому прибавки просить. Выходит к нам штейгер Агафонов и кричит:

— Зря, зря лапти бьете — не будет вам прибавки!.

А мы в ответ:

— Прибавки не будет, так пускай Досев с Оглодковым да Джозовым сами в шахту лезут.

На том и остановились: в шахту не ходить и никого туда не пускать.

На помощь промышленникам пришла полиция и царские чиновники. В тот же день на рудник были посланы заключенные илецкой каторжной тюрьмы. Рабочие не сдались. Они подбросили заключенным письмо, в котором просили их не срывать забастовку, и направили делегацию к начальнику тюрьмы.

— Не пускай в шахту заключенных, а то худо будет, — сказали ему делегаты. — Стражу поснижаем, твои арестанты и разбегутся.

Испугался ли начальник тюрьмы, или заключенные не захотели своим трудом преданать рабочих, но на другой день на рудник никто из тюрьмы не пришел. Промышленники кинулись собирать штрейкбрехеров. Приказчики, рассыпавшись по базару и ближайшим железно-

дорожным станциям, зазывали разных темный люд. Проинвазивши бродяги и жулики под охраной полиции собрались к рудничным воротам, но рабочие встали стеной и никого не пропустили. Наиболее рьяных штрейкбрехеров, пытавшихся силой прорваться на территорию рудника, основательно избили, — не помогла и полиция.

Забастовка росла и ширилась. Шахтеры сняли рабочих с мельницы купца Нехорошева. Рабочие, выламывавшие гипс, тоже решили присоединиться к рудничным. Федот Воронов открыто призывал бросить работу. Его схватили полицейские и посадили в арестное помещение при полицейском участке.

Тогда каменоломы обратились за помощью к шахтерам соляного промысла.

На призыв каменоломов рабочие соляного рудника откликнулись горячо. Немедленно собралось свыше 100 человек и, вооружившись камнями и палками, с красным знаменем двинулись к полицейскому участку, чтобы освободить Федота Воронова.

Полицейстер Шлихтер выстроил перед зданием участка полицейских.

Рабочие подошли и остановились в нескольких десятках шагов. Из толпы раздались голоса:

— Освобождай Федота!

— Выпускай Воронова! Борю гладкий, кровосос!

Полицейстер побагровел и, сдернув с левой руки перчатку, взметнул ее вверх. Полицейские неохотно подняли ружья. В толпе виднелись знакомые лица, а у одного полицейского даже брат работал на руднике.

Шлихтер махнул перчаткой и что было силы закричал:

— Огонь!

Но залпа не последовало. Полицейстер увидел, как полицейские опустили винтовки и смешались с толпой, хлынувшей в здание участка. Он услышал удары кам-

ня, которым сбивали замок, а еще через несколько минут освобожденный Федот Воронов был среди демонстрантов.

Впервые полицейский почувствовал себя бессильным. Он забежал вперед толпы и трясущимися багровыми руками совал рабочим деньги.

— Возьмите! Выпейте, ребята, только не громите, не безобразничайте.

Никто из рабочих не взял денег. Красненькая десятирублевка упала на снег и растоптанная сотнями ног смешалась с грязью. Рабочие с песнями и лозунгами „Долой царя“ до темна ходили по улицам. Возбужденные, радостные, они почувствовали силу, увидели могущество пролетарского единства. И хотя на другой день в Илецкую защиту прибыла сотня казаков Павловской станицы и снова начались аресты и избивания, все же рабочие одержали победу. Хозяева пошли на уступки. Шахтерам была увеличена суточная плата до 60 копеек. Забастовка, продолжавшаяся три дня, окончилась.

В апреле 1906 года рабочие соляного рудника забастовали вновь и добились увеличения заработной платы до 80 копеек в сутки.

1 мая 1906 года рабочие Илецкой защиты в степи, за вокзалом, провели митинг, в котором участвовало 20—25 человек. Выступавшие призывали продолжать борьбу против ненавистного царизма. Была организована демонстрация. В саду возле „Базарного озера“ собралось свыше 300 человек. Лозунгом демонстрантов был близкий всем клич: „Долой царя!“

Казак разогнал демонстрацию. Снова начались аресты. На руднике полиция взяла многих шахтеров.

Начался период черной реакции. Кружки оказались разгромленными; лучшие люди сидели в тюрьмах; в городе свирепствовала полицейская плеть“.

За власть Советов

В 1916 году, во время кровавой империалистической бойни, когда деньги начали безудержно обесцениваться, а цены на товары и продукты питания неуклонно расти, рабочие рудника предъявили хозяевам ряд требований, в числе которых было требование о прибавке заработной платы. Шахтеры послали к арендаторам в Оренбург делегацию.

Солдаты „тузы“ не осмелились выгнать делегатов. По опыту прошлых лет они знали силу рабочего класса; боясь из-за забастовок потерять свои военные барыши, они согласились на все требования рабочих.

Отступки далекого фронта доходили до города. Почти каждую неделю в армию призывались новые и новые люди — молодежь и пожилые. Многие из них остались на полях сражений, иные вернулись домой калеками. Другие продолжали сидеть в окопах, но в письмах сообщали о измене и продажности генералов.

Недовольство самодержавием нарастало с каждым днем. Тревожное становилось в городе. Все чего-то ждали. И вот 26 февраля 1917 года в 2 часа ночи телеграфист ж.-д. станции Илецк принял телеграмму. Ее содержание ошеломило старого служаку. Он еле-еле осмелился попросить повторить ее: „Нет ли ошибки?“ Тщательно сверив каждое слово, телеграфист убедился, что все правильно. Он провел ладонью по вспотевшему лбу и тихо, как будто боясь собственного голоса, прошептал: „Царя свергли“. Прислушался к своему голосу, и шагнул в коридоре, к храпу в комнате дежурного по станции и снова повторил, уже громче: „Царя свергли!“

Весть о падении самодержавия быстро разнеслась по городу.

В марте под давлением рабочих были освобождены из тюрьмы политзаключенные,

В апреле организовался Совет рабочих и солдатских депутатов.

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Прошли выборы в городское самоуправление, сохранившее даже свое прежнее название — „Городская дума“. 29 июля 1917 года состоялось ее первое заседание.

Газета „Оренбургская жизнь“ в № 1048 за 30/VII—1917 года так повествует об этом „важном“ событии:

„29 июля было первое заседание вновь избранной думы. В помещении городского управления к 3 часам дня прибыло 29 гласных, местный протоиерей с причтом и довольно много местных жителей...“

Освятвленная присутствием местного иона, отслужившего молебен и произнесшего по сему случаю проповедь, дума начала свою „работу“. На первом заседании она приняла такую резолюцию: „Дума признает, что только железная дисциплина может вывести революцию и страну на путь спасения, а поэтому, объединившись без различия партий и взглядов, в полном сознании важности момента... что лишь коалиционное правительство, обладающее полной свободой действий, способно водворить спокойствие в народе, спасти Россию от внешнего поражения и тем приблизить революцию к желанной цели“.

Однако трудящиеся были совсем иного мнения. Член первого Совета рабочих и солдатских депутатов товарищ Грачев рассказывает, что рабочие на всех заседаниях выступали против эсеровских и меньшевистских предложений. И в том же месяце рабочие представители вышли из состава думы, а эсер инженер Яковлев был изгнан из Совета рабочих и солдатских депутатов.

В декабре 1917 года происходили переизборы Совета рабочих и солдатских депутатов. В его состав вошли рабочие Волков В. Е., Бойков Ф., Мелентьев С. В., Башкатов.

В начале 1918 года в Илецкую защиту возвратилось много солдат-фронтовиков, приехало несколько рабочих из Оренбурга.

Еще больше обострилась борьба между Советом и городской думой.

Меньшевики и эсеры не успокаивались. Они вместе с офицером создали белогвардейский отряд. Эсер Яковлев агитировал против большевистского списка в Учредительное собрание.

Январь 1918 года ободрял трудящихся. Появилась весть, что Кобозев с большим войском наступает на Оренбург, а белоказакий атаман—полковник Дютов уже заказывает чемоданы, готовясь к бегству из своей „столицы“.

16 января в помещении городского училища состоялось общее собрание рабочих. Оно возникло стихийно. Кем-то был пущен слух, что белоказаки хотят начать боевые действия. Рабочие решили объединиться и дать отпор.

На собрании произвели запись добровольцев в красногвардейскую дружину. В первый же вечер записалось свыше 40 человек. 19 февраля, вечером, руководителя дружины собрались в одном из подвальных помещений, чтобы обсудить вопрос об изгнании белогвардейцев из города, а в 12 часов ночи дружина организовала восстание рабочих, разоружила охрану городской думы и разогнала белогвардейский отряд.

25 января на Базарной площади состоялось большое собрание рабочих и кустарей, на котором были избраны депутаты в городской Совет. Власть полностью перешла в руки трудящихся. В установлении советской власти в организации красногвардейского отряда большая заслуга товарища Персильнова Петра Алексеевича. Последовательный большевик, хороший организатор, он пользовался уважением и любовью трудящихся Илецкой защиты.

Петра Персиянова знали в городе с детского возраста. Его отец работал на соляном руднике бухгалтером, и Петр до самого призыва жил в Илецкой защите. По призыву он попал в царский флот. В 1917 году, во время бури, ему выбило глаз. Как инвалид, Персиянов был демобилизован и в конце 1917 года прибыл в Илецкую защиту. Он принес революционную непримиримость к врагам и готовность пожертвовать жизнью за революцию.

Персиянов был избран председателем городского Совета.

Враги притаились, выжидал удобную минуту. Нужно было готовиться к отпору.

Персиянов развернул энергичную работу по созданию красногвардейских отрядов. В добровольцах недостатка не было.

31 января 1918 года советские войска под командованием тт. Кобозева и Цвиллинга заняли Оренбург, а двинувшийся со стороны Ак-Булака Восточный красногвардейский отряд вступил в Илецкую защиту. Персиянов обратился к командиру отряда с просьбой поделиться оружием.

Около 500 винтовок и большое количество патронов были переданы красногвардейцам Илецкой защиты. И вскоре илецкий отряд Красной гвардии достиг 400 человек. Встал вопрос о средствах.

Городской Совет собрал местную буржуазию. Член Совета Ф. Бойков вышел к ним и объявил:

— Вы должны завтра же уплатить двадцать процентов налога с вашего имущества. Понятно?

Купцы загалдели:

— Насилые!

— Беззаконие...

— Грабеж!!

— Это уж, как вам угодно, — спокойно сказал Бой-

ков, — а чтобы деньги завтра же были. Теперь идите по домам.

На другой день с утра в Совет потянулись купцы. Только несколько человек, самых упрямых, отказались от уплаты. За ними приехали красногвардейцы.

— Собирайся!

— Куда?

— Там узнаешь.

Просидев пару дней в тюрьме, и эти согласились уплатить контрибуцию.

17 февраля 1918 г. Илецкому Совету рабочих депутатов, по постановлению губернского военно-революционного комитета, было отпущено 25.000 рублей на уплату жалования красногвардейцам.

Так были получены средства на городские нужды и на содержание Красной гвардии.

Белое казачество, руководимое дубовскими офицерами, готовило захват Илецкой защиты. В городе появились переодетые дубовские разведчики и агенты, слышны панические и провокационные слухи. Угроза вооруженного нападения нависла над городом.

В окружающих станицах накапливались контрреволюционные силы. Кулачье и офицеры террором стремились заставить трудовое казачество выступить на стороне белых. 24 марта 1918 года в станице Угольной офицеры убили казака Михаила Петрова, который отказывался участвовать в наступлении на Илецкую защиту.

Такими методами кулачью и офицерам удалось сколотить вооруженный отряд для борьбы с советской властью. Центром подготовки вооруженного нападения на Илецкую защиту сделалась станица Изобильная, в которой свирепствовал полковник Донецков.

В городе стало известно, что белогвардейское восстание назначено на 1 апреля 1918 г. И „товарищ Персиянов, взяв с собой семнадцать красногвардейцев и

сестру милосердия, 28 марта выехал в станции — Ветлянскую, Мертвецовскую и Изобильную, чтобы образумить казаков», — вспоминает бывший адъютант красногвардейского штаба товарищ Реснянский.

Прибыв в станцию Ветлянскую, Персиянов провел собрание казаков, на котором был избран станичный Совет.

В станции Изобильной казаки встретили отряд Персиянова дружелюбно. Однако во время доклада в толпе уже раздавались злобные выкрики.

Едва Персиянов закончил свою речь, как поднялся переодетый офицер и предложил разоружить и уничтожить красногвардейский отряд. Казаки зашумели. Одни кричали: «Бей их!» Другие требовали отпустить красногвардейцев.

Несколько казаков, размахивая шашками, наседали на Персиянова. Мужественный большевик не поколебался ни на минуту. Приказав бойцам не поддаваться на провокацию, спокойно, словно ничего не произошло, потребовал от атамана дать письменное обязательство подчиняться распоряжениям советской власти.

Атаман усмехнулся и развел руками.

— Как народ, а я что?! Кто за те, чтобы большевиков побить, отходи вправо, кто против, — влево! — крикнул он.

Толпа зашевелилась и вдруг распалась на две половины. Слева от атамана стояло две трети всех казаков.

Персиянов улыбнулся, а атаман шнул сапогом вертонуясь под ногами собачонку и сказал:

— Ладно... напишу обязательство...

Успокоенный Персиянов со своим отрядом двинулся обратно. Тем временем атаман и кулацко-офицерская часть казачества разошлись в соседние станции гоним с просьбой о помощи против «большевиков-насильников».

В погоне за красногвардейцами бросился отряд под командой полковника Донецкова.

В Ветлянской освобождены настигли и окружили отряд Персиянова, отдыхавший в доме казака Ф. Андреева.

— Открывай! — кричали казаки.

— Хозяин дома хотел открыть калитку, — вспоминает бывший красногвардеец отряда товарищ Гоголев, — но бойцы не позволили.

Бандиты продолжали ломиться в дом.

— Открывайте... не тронем вас! — кричали они.

Персиянов долго думал. Отбиться семнадцати бойцам от трехсот озверелых бандитов надежды не было. Он с тоской взглянул на суровые лица красногвардейцев, на бледную сестру милосердия, на дрожащих в страхе козлов и плачущих детей, решительно трыкнул головой и отпер ворота. Полковник с двумя офицерами вошел во двор и предложил сложить оружие.

Красногвардейцы стояли молча, сжмая в руках винтовки.

Полковник повторил команду. Его не послушали.

Тогда Персиянов вдохнул и негромко сказал:

— Клади, товарищи, оружие.

Красногвардейцы сложили винтовки в кучу посреди двора и размылись к лошадям.

— Кто Персиянов? — крикнул полковник.

— Я, — ответил тот и вышел на середину.

Полковник вскинул револьвер, но один из красногвардейцев грудью заслонил Персиянова, и сам ушел мертвым.

— Где же ваше честное слово? — спросил Персиянов.

В ответ полковник выхватил клинок и отрубил Персиянову правое ухо и рассек плечо.

Персиянов пошатнулся, шагнул к воротам и закричал:

— Да здравств...
Кричать ему не дали. Во двор хлынула толпа казаков. В воздухе замелькали шашки. Началась резня. Один за одним падали изрубленные красногвардейцы. С рассеченной головой свалилась сестра милосердия, проткнули пикой Антона Кугута, ушали под вражескими пулями Степана Якименко и Илья Жилинский.

Оставались только Гоголюк и Федоров, спрятавшиеся за кучами кизяка. Они и сообщили на следующий день утром печальную весть.

Гибель Самуила Цвиллинга

С минуты на минуту казаки могли ворваться в Илецкую заштиту, и тогда на улицах пошла бы резня.

Штаб Красной гвардии немедленно донес о происшедшем в Оренбург.

Председатель Губернского исполнительного комитета Самуил Моисеевич Цвиллинг лично позвонил по телефону в штаб Илецкой Красной гвардии, успокоил товарищей, потребовал принять срочные меры для обороны города и пообещал военную помощь.

Местные большевики восприняли духом.

Красногвардейские отряды заняли позиции на окраинах — „Пчельник“ и „Ташкент“ и приготовились к отпору.

Городской Совет тем временем приступил к созданию новых вооруженных отрядов. В течение нескольких дней было сформировано пять сотен. Каждая сотня получила участок обороны, а две сотни составили резерв и расположились в центре города, чтобы действовать в более опасных направлениях. Город был готов к встрече врага и ждал помощи из Оренбурга для перехода в наступление.

На рассвете 30 марта 1918 года отряд, сформирован-

ный Цвиллингом, выступил из Оренбурга в поход. Впереди ехали Цвиллинг, Бурчак-Абрамович и Михайлов. За ними по улицам еще сонного тихого города тянулась вереница саней. Из-под брезента торчали тушье стволы трех пулеметов.

Две пушки замыкали колонну.

То там, то здесь раздавались шутки, всплывал смех. Погода была скверная. Снег начал таять, и в оврагах, долинах и канавках уже журчали ручьи.

Так отряд шел до ст. Донгуз. Здесь он погрузился в вагоны и 31 марта прибыл в Илецкую защиту. Вечером Цвиллинг выступал на совещании командного состава отряда. Он подчеркнул, что приехал сюда не для войны с казаками, а для разъяснения им задач и целей советской власти.

— Оружие — это крайняя мера, — говорил Самуил Моисеевич.

Цвиллинг отверг предложение местных руководителей, настаивавших на всеобщей мобилизации граждан, способных носить оружие.

— Только добровольцы, только добровольцы нужны, — сказал Цвиллинг и еще раз подчеркнул, что сражаться он будет прежде всего силой большевистской правды, силой убеждения.

Послали разведку из 11 бойцов. Ночь была темная, сытые кони бежали резко. Пустынные поля лежали во круг. Впереди заблестели огни.

— Мертвецовка, — сказал Зубарев, — слезай!

Бойцы вылезли из саней и, рассматриваясь цепью, пошли к станции. Преобрываясь по садам и огородам, осмотрели ее окранны, затем разведали улицу, заглядывали во дворы — нет ли казачьих коней. Все было спокойно.

Оказалось, что белые вскоре после убийства Персианова зарубили в Велаянской двух казаков-большевиков: В. Скрипникова и Беликова. 28 марта офицеры

проводила письменный опрос казаков станицы Ветлянской: „за“ войну с большевиками или „против“. Напуганные угрозой расправы, казаки ответили „за“.

Возвращаясь в Изобильную, на пути белобандиты зарубили депутата первого губернского съезда Советов казака ст. Буранной В. Телушкина.

С этими известиями разведка вернулась в город. Весь день в Илецкой защите царило возбуждение. К Цвилингу приходили молодые ребята, никогда не державшие в руках винтовку, шли опытные бойцы-фронтовики.

В солнечный полдень отряд Цвилинга выступил из города. До самых окраин провожали жители своих сыновей, мужей, отцов. Почти без боя была занята Мертвецовка, с хлебом и солью встретили отряд жители Ветлянской.

После ночлега, утром 2 апреля, отряд двинулся дальше. Главные силы разделились на две колонны. Первая с двумя орудиями и двумя пулеметами шла по большаку. Ею командовал тов. Цвилинг. Вторая, с Бурчак-Абрамовичем во главе, выступила по берегу реки Илек. В колонне Бурчак-Абрамовича имелся только один пулемет.

Цвилинг вместе с сестрой милосердия Анастасией Александровой ехал на санках. Он был весел. Всю дорогу восхищался степными просторами, мечтал о новой жизни, которая начнется через несколько лет.

Показалась Изобильная. Маленькие домишки чернели на белоснежном просторе. Конные казаки гарцовали у мельницы. Раздавались выстрелы. Цвилинг выпрыгнул на саней и приложил к глазам биневель. В очуляры отчетливо вступали крыши домов, пустынная улица, голые ветви деревьев. Далеко за селом что-то колыхалось и двигалось. Цвилинг напрягал зрение, стараясь рассмотреть это темное пятно.

— Взгляните, — сказал он одному из командиров, протягивая бинокль.

Тот долго смотрел, потом ответил:

— Это конница казачья уходит.

— Ну, тогда пугните ее из орудий, — приказал Цвиллинг.

В тылу глухо ударили два орудийных выстрела, и над головами с воем пронеслись снаряды.

С окраины станицы конные казаки открыли редкий огонь.

— Рассыпаться в цепь! — командовал Цвиллинг.

Бойцы рассыпались по обе стороны дороги. Они образовали две цепи, двигавшиеся одна за другой на расстоянии 200—250 шагов. Пулеметы везли на санях, впереди первой цепи. Слева доносилась редкая ружейная стрельба. Цепь Бурчак-Абрамовича уже поворачивала к селу. Маячившие перед разведкой казаки вдруг поскакали за станицу.

— Ура, наша взяла! — раздался чей-то взволнованный голос.

— Смотрите! Смотрите! На каланче белый флаг! Сдаются казаки!

На каланче действительно развеялся белый флаг, сделанный, очевидно, из целой простыни. Цепь стала сдвигаться к дороге и втягиваться в улицу.

Вдруг ахнул гранатомет, и в тот же миг из-за церковной ограды грянул залп, за ним второй. Со всех сторон затрещали выстрелы. Сбрасывая железные решетки церковной ограды, хлынула толпа белоказачков. Вдоль улицы пронесся конный отряд, с криком и руганью он врезался в ряды красногвардейцев. Цвиллинг выхватил нагай и, прицелившись, сбил с лошади бородатого, увешенного медалями казака. Рядом с ним группа красногвардейцев отбивалась штыками и гранатами от наседавших конников. Одни за другим гибли героические красные бойцы под ударами вражьи

ков. Кто-то из бойцов не выдержал и, бросая оружие, побегал...

Цвиллинг пытался удержать бегущих. Голос его покрывал шум битвы.

— Назад! Не сдавайтесь! За революцию!

Палетело сразу несколько казаков, замелькали в воздухе шапки, и, обливаясь кровью, упал у ограды Самуил Моисеевич Цвиллинг.

Враг не щадил никого. Конные казаки догоняли и рубили красногвардейцев и подводчиков. Пешие, ослепав в первые же минуты боя красногвардейскими пулеметами, косили теперь из них бегущих. Упала зарубленной Анастасия Александрова, свалился у дороги Алексей Чекушкин. До последнего патрона дрались братья Иван и Николай Фурсы. Один озерный казак проткнул локоть красногвардейца Васильева. Безоружного фельдшера Николая Грифопова зарубили прямо на санитарной повозке...

Левобланковый отряд Бурчак-Абрамовича был атакован конным полком полковника Ерицова. Дрогнули красногвардейцы, в большинстве необстрелянные, новобитые молодые ребята. Но пулеметчик Григорий Аржевничков не растерялся... Метким огнем он хлестнул по вражьей коннице. Лава смешалась и, теряя убитыми и ранеными, отхлынула в кусты. Через некоторое время атака повторилась и снова была отбита. Десятки белоказачьих трупов валялись на талом снегу; корчились и стонали раненые. Красногвардейцы ободрились и воспрянули духом. Казаки в третий раз кинулись в атаку.

Уже были видны потные конские морды, перекошенные рты хрипло рвели „ура“, поблескивали на бешметах георгиевские кресты...

— Огонь! — скандловал Бурчак-Абрамович.

Снова застучал пулемет, заговорили винтовки, и опять не выдержали белоказаки.

Почти без патронов, израненные, усталые бойцы ге-

роически отражали натиск врага и медленно отходили к Илецкой защите.

Только к вечеру казачьей пехоте удалось окружить часть бойцов у станицы Мертвецовской...

Немногие бойцы из отряда Цвиллинга остались в живых.

2 апреля, вечером, в Илецкой защите узнали о гибели товарища Цвиллинга и его отряда. Никому не хотелось верить, что Самуил Моисеевич погиб.

✓ Стойкий большевик, замечательный оратор, зажигавший сердца тысяч людей, и вдруг погиб? Два, три дня ещё теплилась слабая надежда: а может быть Цвиллингу удалось спастись, и он вернется в город, но скоро и она погасла.

Председатель Оренбургского губернского исполнительного комитета Самуил Моисеевич пал в борьбе с врагами революции. Враги пытались посеять в народе панику. Но эта попытка не удалась.

В Красную гвардию записывались взрослые, ребята, шли женщины и старики. На защиту города и революции поднялось все трудовое население. В течение одной ночи был сформирован Илецкий рабочий полк в составе семи сотен. К утру 3 апреля город, притихший и настороженный, приготовился к отражению врага.

Утром белоказачьи отряды окружили Илецкую защиту и бросились в атаку.

Гремели орудия, снаряды рвались на улицах. На окраине „Ташкент“ загорелся дом. Пули с чавканьем вонзались в мокрую землю. Красногвардейцы, окопавшись, стреляли по наступающим белоказачьим цепям. В тиремном замке работал штаб обороны. Из высоких зарешеченных окон хорошо была видна степь. Далеко на горизонте темнели колонны конных казачьих полков; они пробирались к вокзалу. Штаб выслал туда резервную сотню. После непродолжительной схватки казаки откатились обратно в степь.

...Ночь прошла тревожно. С утра началось штурм. Озверевшие, пьяные белоказаки лезли, не щадя жизни.

Красногвардейцы отбивались упорно, но мало было патронов, еще меньше снарядов. Борьба затянулась надолго. Атаки велись ежедневно. На пасху, во время очередного штурма, белоказанам удалось наконец овладеть вокзалом и ворваться на окраины — „Ташкент“ и „Пчельник“. Но тут казаки получили неожиданный отпор. Их били из-за заборов камнями, поливали с чердаков кипятком, стреляли из окон. Каждый дом защищался, как маленькая крепость. Казаки отступили. А вскоре в Илецкую защиту прибыли Ак-Булакская красногвардейская сотня и Самарский рабочий отряд, посланный В. В. Куйбышевым. Белогвардейцы были разбиты и рассеяны.

Отступление на Актюбинск

В конце мая 1918 года положение красноармейских частей ухудшилось. 8 июня чехословаки заняли Самару. Объединенные военные силы Самарского белогвардейско-эсеровского правительства, чехословаков и белоказанов устремились на Оренбург. Советские войска не могли выдержать натиска численно превосходящих сил противника и в конце июня эвакуировали Оренбург.

Вместе с отступавшими из Оренбурга советскими войсками на Актюбинск решено было вывести и отряды, оборонявшие Илецкую защиту. Рудник прекратил работу. На вокзале спешно формировались эшелоны. По городу весь день тянулись повозки, брички, ручные тележки и тачки. Длинные составы товарных вагонов наполнялись женщинами, детьми и стариками. Шла погрузка вооружения и имущества. Ремонтный поезд под прикрытием „броневика“ восстанавливал разрушенный белоказанами путь. В степи, между частями отступаю-

щих советских войск и вражеской конницей, то разгорались, то затухали мелкие стычки.

Под вечер 30 июня последние части 275-го Илецкого рабочего полка снялись с позиций и начали отход. По пыльным улицам прошли через „Ташкент“. Низкие саманные домики сиротливо смотрели заколоченными окнами.

В синем небе рвалась иррапель, и пули с визгом рассыпались по земле, вздымая пыль.

Медленно полз бронепоезд. Изредка на его башне вспыхивало пламя, и гул разносился по степи. Единственная пушка бронепоезда слерживала белоказаков и прикрывала отход пехоты.

Последние защитники выходили из города. Бойцы прибавляли шаг.

И вдруг сзади раздался голос:

— Постойте, сынки! Постойте!

Командир взвода оглянулся. По улице бежала женщина с узелком.

— И я с вами, сынки... и я... — она вскрикнула. — Сына моего, Васеньку, в Изобильной казаки порешили... и я с вами, сынки!

Она перекрестилась, упала на колени и поцеловала сухую потрескавшуюся землю. Поднялась и кончиком платка вытерла глаза. Строго и печально сказала: „Прощай! Прощай, родимый город!“

— Что ты, мать? — взволновались бойцы. — Не прощай, а до свиданья, родной наш город!

Путь был тяжел. День и ночь отбиваясь от наседавшего со всех сторон противника, красноармейские части вышли к своим. В районе Актюбинска советские войска остановились.

Трудившиеся Актюбинска тепло встретили беженцев на Илецкой защите. Советские организации и местные жители окружили их вниманием и заботой. Беженцам помогли одеждой, продовольствием, деньгами. В Актю-

бинской газете „Известия“ от 6 декабря 1918 года читаем:

„Благодарность Актюбинскому совету Народного хозяйства от беженцев г. Илецкой защиты и Ан-Булькского поселка.

Мы, беженцы выпенязавших районов, тронутые до глубины души вашими заботами, шлем вам сердечную благодарность за братское внимание, оказанное нами в трудный момент нашей жизни.

Теперь мы видим, что мы не одни, мы сознаем, как велика та идея, за которую борется пролетариат“.

Белоказаки, ворвавшиеся в Илецкую защиту, неистовствовали. Начались повальные обыски и грабежи. Хватали по малейшему подозрению или доносу, расстреливали без суда и следствия. Так погиб бывший пулеметчик отряда Цвиллинга Григорий Аржевичников. Стреленный белоказаками, был расстрелян Александр Богданович, эверски убиты братья Закир и Шакир Абдул-Вансеровы, Гаврила Попов, Матвей Голышкин, Разян Ногоев и многие другие.

Цыгане казаки вламывались в квартиры, надвевались, насилывали, поролли плетью.

Отец адъютанта штаба обороны Иван Реснянский, шестидесятилетний старик, не имел сил, чтобы отступить с частями Красной армии, и остался в городе. К нему на квартиру вошло несколько казаков с офицером.

— Где твой сын? — спросил офицер.

— Ушел с красными, — ответил Реснянский.

Офицер разразился руганью, а потом приказал вышорить его плетью.

Избитый старик видел, как хозяйничали казаки в квартире, захватывали вещи, сбрую, увезли со двора лошадь и телку, но сделать ничего не мог.

Грабежи, убийства, насилия не удовлетворяли бандитов. По приказу начальника гарнизона труппы крас-

погвардейцев, погибших под Изобильной, Мертвецовской и при обороне города, были извлечены из братских могил и после кощунственных надругательств выброшены за город. Несмотря на запрещение белоказачьего командования, рабочие снова похоронили их.

Туркестанская армия, организованная из отступивших на Актюбинск и Орск красногвардейских частей, в декабре 1918 года перешла в наступление на Оренбург. В лютые морозы, без обмундирования, плохо снабженные продовольствием, мучимая недостатком боеприпасов и вооружения, красноармейские части преодолевали ожесточенное сопротивление противника, проявляя образцы мужества и героизма. 275-й Илецкий рабочий полк был в первых рядах. Особенно он отличился в сражениях под Маргулом и Яйсаном.

Во время боя у Яйсана Илецкий рабочий полк разгромил среди прочих белогвардейских частей и так называемую „золотую роту“, сплошь состоящую из кадровых офицеров.

Преследуя разбитых белоказачков, части Красной Армии в январе 1919 года подошли к Илецкой заставе.

Белые нарыли окопы, установили артиллерию и пулеметы; словом, серьезно приготовились к обороне города.

Главные силы советских войск, наступавшие вдоль полотна железной дороги, продвигались с трудом.

Командование бросило часть сил для обхода противника с юга. Для белых такой маневр оказался совершенно неожиданным. Красная конница лихо ворвалась в город. Офицеры из штаба корпуса разбежались по дворам и закоулкам, управление и связь были нарушены. Среди белых началась паника. Бросая имущество, обоз, одежду и оружие, они бежали из северо-запад.

Илецкий рабочий полк вступил в свой родной город.

За восстановление хозяйства

В апреле 1919 года белым еще раз удалось побыть в Илецкой защите, но в сентябре под сокрушительным натиском частей Красной Армии, руководимых М. В. Фрунзе, они покинули ее. Илецкая защита стала навсегда советской.

Военные действия на территории города и района разорили хозяйство: соляной рудник бездействовал, оборудование на нем было разрушено белоохранителями; посевы на полях не убирались; топлива было мало; на железной дороге валялись разбитые паровозы и вагоны; в полуразрушенных домах звяли пробонны.

Советская власть начинает энергично восстанавливать хозяйство.

Одновременно разворачивается культурно-просветительная работа. Собираются уцелевшие кадры учителей, начинаются занятия в школах.

В течение 1920 г. местные органы советской власти принимают решительные меры для удовлетворения неотложных нужд трудящихся. В постановлении волкополкома от 16 октября 1920 г. записано:

„Холод приносит эпидемические заболевания, а неполучение топлива грозит закрытием больниц, детских домов и школ. Обязать население организованно отправлять из каждого поселка не менее 20 подвод с кизяком ежедневно“.

Для хозяйственных работ: исправления мостов и ремонта колодцев, устройства и исправления паров и плотин, разгрузки вагонов, очистки улиц, борьбы со снежными запасами и т. п. — широко использовалась трудовая мобилизация. На эти работы привлекались и бывшие купцы, чиновники.

Однако трудовая мобилизация полностью не решала вопроса о рабочей силе. Важную роль сыграли коммунистические субботники.

Вслед за коммунистами на субботники шли комсомольцы, беспартийные рабочие и служащие.

Комсомольцы были верными помощниками партии. Еще 20 сентября 1919 г. Илецкий волком РКП(б) создал инициативную группу для организации Коммунистического союза молодежи. Молодежь с радостью записывалась в союз. 12 октября был избран комитет союза из трех лиц. В то время в союзе молодежи насчитывалось до 50 членов.

Была предпринята организация коммунистических союзов молодежи и в станицах, деревнях и селах Илецкой волости¹.

В газете „Красная молодежь“ за 7 ноября 1919 года отмечается, что комсомольцы на общем собрании вынесли решение еженедельно проводить коммунистические субботники.

25 января 1920 г. в Илецкой зачете проходила первая волостная конференция РКП(б), подготовившая съезд первого волостного съезда Советов, который состоялся 6 марта 1920 года.

Мы не имеем сведений, какие вопросы обсуждал съезд Советов, но несомненно, что наряду с военной работой в центре его внимания были организационные вопросы, потому что в течение 1920 года проводился целый ряд собраний и конференций, осуществлялись разнообразные хозяйственные мероприятия.

С 3 по 7 мая 1920 г. в Илецкой зачете состоялся первый волостной съезд РКСМ.

Повестка дня поражает обилием вопросов, предложенных для обсуждения молодежному съезду. Здесь: 1) Текущий момент; 2) Доклад уездного оргбюро; 3) Доклады с мест; 4) Предовольственный вопрос; 5) Экономический вопрос; 6) Организационный вопрос: а) о ра-

¹ До 1928 года, когда произошло районирование, вместо теперешних районов были волости.

боте в деревне, б) о работе среди учащихся, в) политико-воспитательная работа, г) работа среди мусульманской молодежи; 7) Выборы волкома; 8) Выборы ревизионной комиссии.

2 июня 1920 г. была проведен первый волостной съезд профсоезов, 5 июня — общеволостная женская конференция, 3 июля — первый волостной съезд работников народного образования.

Трудовое население города и станций с большим интересом относилось к организационным и культурно-просветительным мероприятиям советской власти.

В волкоме партии, волисполкоме и волкоме комсомола ежедневно толпились прибывшие из деревень. Они требовали литературы, докладчиков, артистов и т. д. Иногда это были приезжие за несколько десятков верст. Даже переселенческие поселки Уральского уезда присылали своих представителей за литературой политического характера.

Однако не дремали и кулацкие элементы. Руководимые белогвардейскими офицерами, они объединялись в банды и террором пытались ослабить советскую власть. Убийства партийных и советских работников, поджоги сел, ограбления кооперативов, нападения на обозы с продовольствием и топливом затруднили налаживание нормальной жизни.

Для борьбы с контрреволюционными восстаниями в Илецкой защите была создана ЧОП (часть особого назначения).

В октябре 1920 г. по решению губернского Совета организуется „Военно-продовольственная оперативная тройка по борьбе с дезертирством и по выполнению государственных продовольственных разверсток“.

Такие же тройки были назначены и в волостях. 10 октября 1920 года губернская тройка издала свой первый приказ, которым создавались сводные отряды. Отряд Илецкого укрепрайона имел в своем составе 600

штыков и находился в подчинении коменданта укрепленного района.

В своей деятельности „тройка“ и „сводные отряды“ строго придерживались классового принципа. Это видно хотя бы из § 13 приказа № 1, в котором говорится: „Опертройкой в каждом занятом селе или волости в срочном порядке делается выборка лиц более зажиточного и кулацкого элемента, которым предъявляются определенные требования о сдаче продуктов; в случае невыполнения его, эти лица арестовываются, а имущество конфискуется“¹.

Одновременно приказ требовал, чтобы все члены волостных и сельских Советов и члены РКП(б) подавали личный пример революционной сознательности по сдаче причитающихся с них продуктов.

В борьбе с бандитизмом и кулацким саботажем самое деятельное участие принимала молодежь. Десятки молодых граждан Илецкой защиты записались в ЧОН и с оружием в руках громили банды Охранюка и Серова.

Комсомольцы, число которых в волости к этому времени достигало 210 человек, на общегородской конференции постановляли: „мобилизовать 5% на продовольственный фронт“.

Точно так же, как и в боях гражданской войны, на хозяйственном фронте, в борьбе с разрухой, трудящиеся Илецкой защиты показывали образцы героизма. Продовольствия не хватало, заработная плата выплачивалась нерегулярно и обесцененными денежными знаками, в квартирах и предприятиях было холодно, — и все же эти трудности не могли сломить волю рабочих.

Постепенно восстанавливалось городское хозяйство: исчезали зияющие проломы в стенах и пробитые на крышах домов, дымились паровозы на железнодорожной станции, с грохотом тащались эшелоны, в забоях

¹ Чкаловский областной архив. Дело № 453, стр. 1.

соляного рудника раздавались глухие взрывы пороха и аммонала.

Вскоре зазвенели топоры на новых стройках. Непривычными для глаз казались белые стружки, выходящие из-под фуганков, и стук долот иногда еще напоминал перестрелку.

В городе и волости началось строительство новых школ. В 1924—25 гг. была построена амбулатория, при ней радиальный дом и подсобные здания. На окраине Илецкой защиты, неподалеку от построек соляного рудника, в 1924 году зародился маленький больничный городок.

Новые дома, обновленные срубы колодцев, еще сильнее белозной смолистых досок, радовали трудящихся, как первая победа на хозяйственном фронте.

Люди впервые за свою жизнь строили для себя, и они уверенно смотрели вперед. „Мы победим!“ — эта мысль вдохновляла на героические дела. С этой мыслью трудящиеся города боролись за осуществление первой и второй сталинских пятилеток, с этой мыслью они и сейчас выполняют грандиозные задачи третьей сталинской пятилетки.

Районный центр

Если ехать из Чкалова в Ташкент по железной дороге, то на 72-м километре поезд остановится возле беленького одноэтажного здания вокзала. Это станция Илецк. Низенький палисад отгораживает ее от служебных зданий, за которыми сразу начинаются окраины поселка.

Прямые улицы расчертили Илецкую защиту на прямоугольнички кварталов. Отсутствие зелени придает им однообразный, скучный вид. Зимой снег сугробами лежит у низких домов, летом даже легкий ветер поднимает над поселком облака мельчайшей пыли.

Широкие улицы ведут к центру поселка — базарной площади. Длинные, приземистые здания бывших торговых рядов заняты сейчас под склады, кооперативы и государственные магазины. В лучших «казенных» домах — школы, кишинтеатр «Октябрь», гостиница, районисполком и районный комитет партии. Возле мрачного старинного тюремного замка несколько лет назад построен новый прекрасный клуб.

На площади разбит сквер. В летнем садике, огороженном высоким забором, открыты эстрада, буфет, танцевальная площадка.

На южной стороне поселка имеется трехэтажный корпус — это гордость Илецкой защиты — новая районная больница. С больничного двора видна железнодорожная ветка, по которой маленький паровоз тащит

Клуб в Илецкой защите.

пустые вагоны. Стелется белый дым, стрелочник машет желтым флажком. Ворота распахиваются, и паровозик въезжает во двор соляного рудника.

Впереди, на горе, — дом стандартного типа. Обдуваемый ветрами, он возвышается над окрестностями, как часовая. Это контора соляного рудника. С горы хорошо видно вокруг. Узенькая тропочка сбегает в ложинку и, упираясь в забор, круто сворачивает вправо, к проходной будке соляного рудника. Во дворе амбары, надшахтное здание, бунты соли, приготовленные для погрузки.

За рудником вода. В 1906 году, во время весеннего разлива, река Песчанка затопила старые соляные разработки. Образовалось озеро „Развал“. Его длина около 300 метров, ширина 250 и наибольшая глубина — 17,6 метра.

Озеро „Развал“ обладает интересной особенностью: пресная вода, опущенная в закрытом сосуде на глубину 4—5 метров, превращается в лед в течение 10 минут. В нижних слоях в озере температура доходит до минус 8,2 градуса.

Существует несколько проектов использования этого свойства озера для практических целей, по которым предполагается производство льда летом и устройство специального холодильника. За все 35 лет своего существования поверхность озера ни разу не замерзала. Это объясняется высокой насыщенностью воды солью, содержание которой превышает 23° по Боме. Люди, купающиеся в озере, не могут погрузиться в воду с головой, она, как пробку, выталкивает их на поверхность.

В летние дни на зеркальной глади озера лежат десятки купальщиков.

Недалеко от „Развала“ есть озеро, известное в Илецкой заштате под названием „Дунино“. Его площадь 4,5 гектара, а глубина 4,5 метра. С южной стороны озеро опоясывается множеством воронок и просадок, заполненных водой и используемых как естественные грязе-

вые ванны «неорганизованными курортниками». В составе воды озера от 90 до 110 граммов хлора на литр, имеется также незначительное количество брома.

Летом к «Дуинному» озеру и озеру «Развал» целыми семьями приезжают казаки из дальних аулов и лечатся от многих болезней грязью и солеными ваннами.

Примерно в двух километрах южнее лежит небольшое озерцо «Тузлучное». Общая площадь его даже весной едва достигает двух гектаров. Оно очень мелкое, глубиной всего лишь 50—60 см. Дно вязкое, покрытое целебным илом. «Тузлучное» озеро так же, как и «Развал», почти не замерзает. Тоненькая ледяная корочка покрывает его только в дни самых сильных морозов.

На берегу «Тузлучного» озера стоит дома Соль-Илецкого курорта.

Соленое озеро «Тузлучное». Куланше больного.

Проф. Дзене-Литовский в своей рукописи об Илецком месторождении каменной соли пишет:

„Удачное сочетание грязелечения с солеными ваннами „Развала“ по своим бальнео-терапевтическим свойствам обеспечили известность Илецкому курорту, известность, далеко выходящую за пределы местного значения“.

При грязелечебнице есть амбулатория и специально оборудованный отдел для гинекологических процедур. Общежитие санатория вмещает 125 человек; в 1929 г. построено здание пансионата с комнатами на 2—3 человека. Амбулаторные размещаются в городе.

Сотни курортников стекаются летом на Илецкий курорт и, восстановив свое здоровье, развозят по Советскому Союзу славу об илецком грязе-солевом лечении. Но не только курортом славится Илецкая защита.

Попрежнему широко известен Илецкий соляной рудник. Во многих городах и селах нашей страны люди употребляют соль, завезенную из Илецкой защиты. Из года в год возрастает производственная мощь рудника.

С 43 тысяч тонн в 1913 году добыча соли поднялась в 1939 году до 160.000 тонн.

...Мы опускаемся в шахту. Деревянная платформа, огороженная железной решеткой, стремительно проваливается в черный зев ствола. Тусклый серый квадрат сверху исчез, и сплошной мрак навалился со всех сторон. Влажный теплый воздух бьет в лицо.

Звякнут металлические тросы. Падает сверху капля. Проносится невидимые в темноте, но ощутимо близкие соляные стены ствола.

Еще несколько секунд, и клеть, издрогнув, останавливается. После мрака электрический свет на рудничном дворе кажется ослепительно ярким. Первое, что бросается в глаза, — сероватый мраморный блеск стен. Шахта, двор, широки и огромные залы выработок — все это в огромном соляном массиве сделано руками чело-

Соль-Илецкий курорт. Здание курзала

бека. Гигантская работа! Миллионы тонн соли вырублены и подняты на поверхность. И миллиарды тонн еще остались. Инженер А. А. Иванов, на основании разведок и геофизических исследований, определил запасы соли (и далеко не полно) в 1.493.000.000 тонн. Колоссальная цифра! Даже если рудник будет ежегодно добывать по 500.000 тонн, то соли хватит на 2986 лет.

Да и какая соль?! По качеству она не уступает лучшим в мире образцам солей. Неоднократно производившиеся химические анализы в среднем дают следующие результаты:

NaCl	—	от	98,92%	до	99,10%
CaSO ₄	—	от	0,72%	до	1,09%
MgCl ₂	—	от	нуля	до	0,03%
NaSO ₄	—	от	нуля	до	0,03%

Нерастворимый остаток от 0,16% до 0,5%.

...Мы стоим ошеломленные грандиозностью ископаемых богатств и крепотливым, упорным, все преодолевающим трудом человека.

Тишина. Темные полоски рельсов заколеяной дороги убегают вдаль и пропадают в темноте. Далеко впереди раздается грохот, он все нарастает. Видна белая лошадь. Рысью она тянет за собой шесть вагонов, груженных крупными глыбами соли. Конюгон останавливает ее у подъемника. Толкает одну вагонетку в клеть, захлопывает дверь. Вверху звучит колокол, и клеть исчезает в стволе. На смену ей опускается другая, еще вагонетка уходит наверх, еще, еще и еще...

На поверхности в соляных амбарах соль складывают, часть ее отправляется на солеразмолочную мельницу, где сероватые кристаллические комья превращаются в мягкую белую столовую соль и, расфасованные по бумажным пакетикам, ожидают своей очереди для загрузки в вагоны. Кстати сказать, до революции солеразмолочной мельницы при руднике не было. Добытые глыбы соли везли в Москву и там на мельницах купца и

промышленника Келлера перерабатывали ее в различные сорта поваренной соли. Пакеты с келлеровскими этикетками, проделав столь длинное путешествие, возвращались в Илецкую заштиту, и жители покупали их, но уже по значительно более дорогой цене...

Все вагоны отправлены. Ковожен гонит порожняк обратно. Мы идем вслед за ним.

— Давайте посмотрим старую выработку, — предлагает мой спутник.

Сворачиваем налево, пробираемся узким проходом, и вдруг перед глазами возникает величественный зал. Вверху воронка, сквозь которую сереет зимнее небо. Очевидно на поверхности земли ветер, — снег осыпается в „камеру“. На дне ее вода. Посередине, как раз против воронки, островок земли, осыпавшейся с кровли. Прямые, совершенно гладкие стены. На них заметны странные полосы.

— Здесь вся работа производилась вручную, — говорит инженер, — и полосы, которые заметны на стенах, не что иное, как следы топора.

„Камера“ тянется в длину на 200 метров, от потолка до воды — больше ста, а до противоположной стены — не меньше тридцати метров.

Сотни людей до революции изо дня в день, долгие годы медленно рубили здесь топорами соль. Каждый солеруб получал „урок“, не выполнив который он лишался работы. Топоры на длинных гибких топорницах — то и дело вылетали вверх и с силой опускались на твердую, как камень, соль. Во все стороны разлетались ее мелкие, острые кусочки, били по рукам и лицам солерубов. Каторжный труд!

Сколько было пролито пота, горьких человеческих слез, сколько жалоб слышали эти стены! На одной из них еще сохранились остатки деревянной лестницы. По шатким поскрипывающим ступенькам по четыре раза в сутки поднимались и опускались рабочие в соляной рудник.

Воле подьемника снова грохочут вагонетки. Где-то далеко гремат глухие отзвуки взрывов.

Мы снова в главном штреке.

Змеится на стене электрошнур. Вделанные в потолок, горит лампочки, освещая его неровную поверхность. Под ногами хрустит чуть влажная соль. Пыхтит движок, — в большом соляном зале, за дощатыми перегородками электростанция. Пахнет маслом, бензином. Слево видны конюшни.

В „камере“ направо висит какое-то странное сооружение, напоминающее буровую вышку или пожарную каланчу. Рудник кажется пустынным. В огромных соляных „залах“ навстречу попадаются только одиночки, тогда как бунты соли, наваленной под навесами на поверхности, создают впечатление, будто под землей грудится множество людей.

Где же люди? Вот на „пожарной каланче“ высоко под самым потолком работает один человек. Он очищает кровлю от сталактитов. На узком штреке, которым начинается выработка новой камеры, буряльщик бурит отверстие для зарядов, — они обрушат потом массивные глыбы соли. В другом месте еще стелется синеватый дымок после взрыва, и мельчайшая соляная пыль висит в воздухе, как туман. Груда соли возвышается посредине, свежие изломы комьев блестят словно дымчатый хрусталь.

Машина с длинным хоботом, управляемая одним человеком, хватает соль ковшом и накладывает ее в вагонетки.

Железные челюсти разжались — вагонетка полна. Беспшумно хобот поворачивается, и ковш вдруг с силой погружается в соляной хлам. Лязг. Ковш закрылся. Хобот описывает в воздухе дугу, челюсти разжимаются, и комья наполняют вторую вагонетку. Это работает скрепер.

В соседнем зале еще один такой. Несколько чернорабочих сметают соль с рельсов. Вот и все.

Буряльщик Илецкого солярудника в забое.

Работа идет полным ходом. И то, что три десятка лет назад требовало каторжного труда сотен людей, теперь с успехом делают двенадцать-двадцать пять человек. Разбросанные на обширнейшей площади рудника, они занимаются каждый своим делом, терпят в огромных камерах, штреках, и рудник кажется пустынным.

Звонок. Обеденный перерыв. Из разных закоулков появляются рабочие. Одни остаются под землей и, развязав мешочки, закусывают домашней снетью, других подъемная машина уносит наверх, в столовую.

Только конюгон Жердев, которого звонок застал на полнуги, попускает Серого. По сигналу на перерыв Серый остановился, и теперь его никакая сила не заставит вести вагонетки. Жердев хлестнул коня, тот под-

нялся на передние ноги и стал бить задними ногами по вагонетке.

— Вот черт. Все порядки знает, — говорит Жердев, отпрягая коня. Почулив свободу, Серый взмахивает хвостом, косится на конюгона и крупной рысью бежит на конюшню, прямо в свой станок.

Жердев подскакивает к обедающим. Они оживленно разговаривают. Кто-то рассказывает о виденной вчера в рудничном клубе кинокартине „Юность Максима“. Двое других спорят, кто больше нагрузил вагонеток, и каждый клянется, что после обеда он вывезет все равно больше.

Вурильщик Мищенко читает вслух газету. Успехи наших войск на белофинском фронте радуют сердца горняков. Они настоящие советские патриоты. Многие из них побывали у военного комиссара. Они гонорили, что умеют метко стрелять, некоторые из них сошлись на боевой опыт гражданской войны, просили отправить их на фронт.

Комиссар поблагодарил горняков, обещал, когда понадобится, вызвать.

— А пока войдите на трудовом фронте, — посоветовал он им на прощанье.

И они воюют — стахановской, добросовестной, честной работой помогают крепнуть нашей родине.

Снова звонит звонок. Перерыв кончился. Люди приступают к работе... Стране нужна соль, и она ее получает.

• •

Но не только соль нужна нашей стране. Ежегодно десятки геологических разведывательных партий проникают в самые отдаленные уголки Советского Союза. Открытия следуют за открытиями. Земля раскрывает тайны своих недр. Ежегодно то там, то здесь вступают в строй новые шахты, рудники...

В геологических разведках принимают участие мест-

ные жители — колхозники, рабочие, сельская интеллигенция, школьники. В 1935 году гражданин Илецкой защиты Иванов при бурении колодца обнаружил уголь.

Пытливый, любознательный патриот, он не оставил незамеченным неизвестное ему ископаемое, а направил его образцы в областной центр для исследования.

— Да, это уголь, — писали Иванову из области. А вскоре вслед за письмом прибыли геологи, и начались планомерные поиски залегания угля. „Разведочными работами установлено, что на месторождении имеется один пласт и несколько прослоек бурого угля... Мощность пласта угля по отдельным буровым скважинам колеблется от нескольких сантиметров до 1,75 метра и в среднем составляет около 1 метра. Средняя глубина залегания пласта угля около 39 метров“.

На базе этих запасов Наркоматом топливной промышленности сейчас ведется строительство трех шахт.

Угленосность выявлена и еще во многих местах района: в овраге Галечном, западнее разъезда № 24, в верховьях р. Ветлянки, в овраге Вукобай и т. д. В 1941 году геологические разведки охватят новую большую территорию.

Соль-Илецкий район обладает колоссальными залежами фосфорита. Фосфоритоносный участок занимает площадь около 118 кв. км с общими запасами в 155.994 тысячи тонн.

На территории района есть торфяные болота, залежи калийных солей, огромные месторождения гипса („гипсовая гора“), кирпичных глин и мергеля. Эти ценнейшие ископаемые с успехом могут быть использованы для развития промышленности стройматериалов.

Кирпич, известь, алебастр, черепица, цемент, камышовые плиты и т. п. могут производиться на базе минеральных ископаемых, имеющих в Илецком районе.

Для изготовления красного кирпича есть неисчерпаемые запасы глины вблизи рек Илека, Елчанки и Ветлянки,

Для производства извести имеется в изобилии известняк Мертвосолянской горы. Кроме того, в верховьях реки Ветлянки — мел. Запасы его, по данным георазведки, составляют несколько десятков миллионов тонн.

Алебастр производится из гипса, которого так много, что он образует целую гору, известную под названием „Гипсовой“.

Из алебаstra и обыкновенного камня, растущего в поймах рек и на болотах, делают камышитовые плиты. Хозяйственные постройки, временные жилые бараки, внутренние перегородки в домах могут с успехом изготовляться из камышитовых плит.

Для черепичных изделий вполне пригодны глины у оврага Галечного, поселка Прохладного и оврага Букобай.

Для того, чтобы получать цемент, нужно в различных определенных пропорциях смешивать известняки, глины и т. н. натуральные мергели.

Месторождение мергели находится вблизи оврага „Свиного“.

Неузнаваемо изменился и вырос и сам районный центр. Сейчас в нем насчитывается свыше двух тысяч двухсот домов.

Безуездный город Илецкая защита не имел никакой промышленности, за исключением „питейных заведений“ и ветряных мельниц. Часть жителей работала на руднике или на железной дороге, остальные промышленляли торговлей и занимались кустарными ремеслами. Печников, сапожников, красников, портных, кузнецов и т. п. в 1913 г. было 619 человек.)

Сейчас, особенно после известного Постановления Совнаркома ССР и ЦК ВКП(б) от 9 января 1941 года, в Илецкой защите быстрыми темпами развивается местная промышленность.

14 февраля 1941 года состоялась VII сессия Илецкого районного Совета депутатов трудящихся, на которой обсуждался вопрос „О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья“. Перед промышленными предприятиями сессия поставила большие задачи. Так, райпромкомбинату предложено увеличить выпуск гончарных изделий до 30 тыс. рублей, обжиг кирпича довести до 1 млн. штук и производство алебастра до 1000 тонн, приступить к разработке „точильной горы“ и организовать производство точил и точильных брусков, начать обжиг известки, используя для этого местные угли; организовать кузнечно-слесарную, обояремонтную и деревообрабатывающую мастерские, шпакетное производство и переработку кожевенного сырья.

Общая сумма капиталовложений по райпромкомбинату на организацию новых производств и расширение старых составляет 165 тысяч рублей.

Райпищепрому в 1941 году предстоит выпустить: колбасных изделий на 14,4 тысячи рублей, мороженого на 24 тыс. руб., фруктовых вод на 65,7 тыс. рублей, кондитерских изделий на 25,5 тыс. рублей; забой скота на мясо на сумму до 180 тысяч рублей. В 1941 году в Илецкой защите впервые будет организовано производство арбузного меда и повидла.

По промышленным артелям: им. Крупской, „Стахановец“, „Производственников“ предусмотрено увеличение выпуска продукции на 70 тысяч рублей.

Всего в 1941 году местной промышленностью Илецкой защиты будет выпущено 600 тыс. штук жженого кирпича, 400 тонн алебастра, 700 сыромятных кож, 2750 пар валяной обуви, 3325 гектолитров безалкогольных напитков, 8000 кг колбасных изделий, 4000 кг мороженого, 18000 кг кондитерских изделий, 11000 кг томата, повидла, варенья и т. п.

Уже в январе-феврале 1941 года местная промыш-

ленность Илецкой защиты выполнила свой план с превышением на 13,5%, при чем прирост продукции в сравнении с теми же месяцами 1940 г. составил 120,4%.

В магазинах поселка появились глянцаные кушеры и миски, замки и дверные ручки, соленые грибы и томат, колбаса, печенье и пряники — местного производства.

Трудиющиеся Илецкой защиты еще лишний раз убедились в заботах партии и правительства по подъему материального благосостояния масс.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) „О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья“ разбудило творческую инициативу местных работников и послужило толчком к дальнейшему экономическому развитию Илецкой защиты.

С каждым годом поселковый бюджет увеличивается. В 1938 он составлял 384.865 рублей, из которых 182.318 было израсходовано на нужды народного образования. В 1939 году бюджет возрос до 787.458 рублей. Из них 202.580 было отпущено на народное образование.

В 1939 году бюджет достиг 835.977 рублей. Соответственно увеличилась и суммы, отпускаемые на народное образование, здравоохранение и коммунально-бытовое благоустройство.

В школах в 1939 году насчитывалось 3212 учеников, их обучал целый отряд педагогов, численностью в 90 человек.

Замечательные люди есть в среде учителей Илецкой защиты. Большим авторитетом и любовью пользуется у населения Алексей Георгиевич Монтов. Учителюет он 34 года. Шесть лет избирают его трудиющиеся депутатом в поселковый Совет. Алексей Георгиевич обучил и воспитал сотни людей. Четверо его бывших питомцев сейчас горные инженеры, 28 человек — врачи, трое — летчики, один — командир полка Красной Армии.

Прекрасно владеет методикой преподавания учитель-

ница Клавдия Васильевна Бочкарева. Она работает в младших классах средней школы № 2. В ее классе 41 малыш. О таком количестве учащихся вести занятия трудно. Клавдия Васильевна успешно справляется со своей работой, отлично обучая и воспитывая своих питомцев. Клавдия Васильевна — хозяйка класса не столько потому, что ей предоставлены соответствующие юридические права, сколько в силу своего авторитета среди учащихся и их родителей.

Таких учителей и учительниц в Илецкой защите немало. Скромные, честные, они ведут среди населения большую общественную, культурно-воспитательную работу. Во время выборов депутатов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР 20 учителей были председателями, секретарями и членами участковых избирательных комиссий, 70 учителей работали агитаторами.

Не считаясь со временем, педагоги работают по ликвидации неграмотности и малограмотности.

7 февраля 1941 года поселковый исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся вручил удостоверения 28 товарищам, закончившим учебу в группах неграмотных.

Выдача удостоверений производилась в торжественной обстановке, на заседании поселкового исполкома. Особо была отмечена успешная учеба 47-летней домашней хозяйки Глазуновой. Она, научившись читать и писать, послала сыну в Красную Армию письмо, в котором сообщала о своих успехах.

В ответном письме сын благодарил учителей и пожелал матери успешно продолжать учебу.

Присутствовавшие на заседании поселкового Совета директора школ и учителя-культурмейцы обещали в 1941 году превратить Илецкую заштиту в поселок сплошной грамотности.

В Илецкой защите, как и во всем Советском Союзе, лучшие дома отведены под детские учреждения,

Для малышей, чьи матери работают, устроены детские ясли: им. Клары Цеткин на 34 человека, им. 8 Марта на 46 человек. Для детей дошкольного возраста открыт детский сад на 64 места.

Забота правительства, коммунистической партии и товарища Сталина о подрастающем поколении в Илецкой защите ощутима, как и в любом другом уголке советской страны. С момента опубликования закона о запрещении абортов оказание помощи многодетным матерям в одном только поселке 35 женщин получили 200 тысяч рублей пособия. Серафима Васильевна Кормилкина получила 18 тыс. рублей, Анна Петровна Лукинская 12 тыс. рублей, Абубакирова Шарифа 10 тыс. рублей. Счастливые матери и дети благодарят правительство и партию за отеческое внимание и заботу.

С гордостью рассказывают илецкие жители о своей больнице. Она заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее. В 1924—25 году главный врач городской больницы, помещавшейся тогда в бывших беженских бараках, Владимир Владимирович Чернов, вместе с рабочими соляного рудника, поднял вопрос о строительстве в поселке новой районной больницы. Врач Чернов поехал в Москву, рассказал в наркомате о замечательной инициативе рабочих и получил средства для строительства. В течение 1924—25 годов была выстроена районная амбулатория и несколько вспомогательных зданий. С 1928 года началась стройка районной больницы. В 1931 году ее закончили. Трудящиеся получили замечательное лечебное учреждение. В светлых, просторных палатах размещено 125 кроватей. Лечат больных лучшие врачи. К их услугам новейшие достижения медицины. В частности, при больнице имеется санитарно-бактериологическая лаборатория, оборудованная фото-микроскопами. Подготовлен к пуску рентгеновский кабинет.

Владимир Владимирович Чернов — энтузиаст медицины. В больнице царит порядок. Слава ее распространи-

лась далеко за пределами района. На операции приехали за сотни километров.

С 1924 года по январь 1940 года в больнице было произведено 11236 самых разнообразных операций. О количестве их можно судить хотя бы из следующего письма:

„В 1938 году врачи признали у меня рак и язву желудка. Ак-булакский райадзавотдел направил меня на операцию к хирургу соль-ялецкой районной больницы Владимиру Владимировичу Чернову.

18 февраля этого года он сделал мне операцию.

В больнице я лежал почти два месяца.

Обслуживающий персонал больницы относился ко мне заботливо и внимательно.

Благодаря этому, несмотря на преклонный возраст (мне 55 лет), я выздоровел и с 10 апреля начал работать. Сейчас чувствую себя хорошо.

Иван Дементьевич Вязнов,
работник ак-булакской типографии“.

Или еще пример:

„В тяжелом, почти безжизненном состоянии я был доставлен в районную больницу. Спасти мою жизнь было не легко.

Но современная советская медицина и люди, владеющие ею, отстояли мне жизнь.

Теперь я чувствую себя хорошо, и здоровье мое с каждым днем восстанавливается.

За чуткое отношение ко мне, за спасение моей жизни, искренне благодарю врачей гг. Чернова, Ершову, Кузнецову и весь остальной медицинский персонал районной больницы.

И. И. Белоусов“.

В 1935 году при районной больнице открыта сестринско-акушерская школа, в которой учатся 72 человека. Летом 1939 года были проведены курсы санитаров на 50 человек. Некоторые врачи ведут научно-исследователь-

скую работу. Например, Владимир Владимирович Чернов, опираясь на богатый клинический материал, готовит работу „О бруцеллезе“.

В 1940 году открылась детская консультация, выстроена баня на 120 мест, с душем, ваннами и комнатами. Есть дезинфекционный отряд (у него две камеры), районная амбулатория и зубоучастковая амбулатория. Борьба за здоровье трудящихся стоит в центре внимания медицинских работников Илецкой защиты.

Становятся редкостью ранее широко распространенные болезни—туберкулез, сыпной тиф, сифилис, дизентерия, оспа, чесотка, скарлатина, брюшной тиф.

Медицинские работники выезжают в колхозы, проводят беседы на предприятиях, в бригадах, посещают квартиры жителей поселка.

Заслуженным авторитетом пользуется молодая акушерка Александра Степановна Залевская. В любое время дня и ночи, в любую погоду, она направляется за несколько километров и оказывает помощь роженицам.

Можно было бы привести еще множество примеров настоящего социалистического отношения к труду, рассказать о сотнях прекрасных советских людей—жителей Илецкой защиты. А. Коняева—депутат поселкового Совета поддерживает теснейшую, повседневную связь со своими избирателями, учительница М. Я. Сборкина добилась в своем классе высокой успеваемости, комбайнер Соль-Илецкой МТС Федор Миронович Веселый за свои достижения получал Большую золотую медаль ВСХВ 1940 г. и премию в три тысячи рублей. И много, много других славных тружеников составляют самый „ценный капитал“ Илецкой защиты.

Конечно, никого из читателей не удивит успехи и достижения поселка.

За годы социалистического строительства мы так привыкли к необыкновенным темпам, к возникновению в пустынях и степях новых промышленных городов,

что скромные усилия бывшего беззасадного города, ныне рабочего поселка, покажутся бледными.

В самом деле, разве уж так велика сумма расходов на благоустройство поселка? Всего лишь каких-нибудь 305.600 руб. было израсходовано в 1938 г. Немногим более чем по 18 руб. 60 к. на каждого жителя.

Разве представляет что-нибудь особенное сад, посаженный в 1933 г. на площади в 8 га?

Ну, кого удивит, что Пушкинская, Уральская, Ташкентская, Калининская и Кржковская улицы в 1939 году вымощены камнем?

В том же году вступила в строй первая очередь водопровода. Разве это диво?

Строятся школы, ясли, детский сад, планируется строительство городского клуба. И это не удивляет никого, так же как и то, что в кинотеатре „Октябрь“ почти никогда нет ни одного пустующего места — 200.000 зрителей в течение года!

Не удивляет! Но это-то и самое удивительное в нашей замечательной жизни! То, что было несбыточной мечтой два десятка лет назад, — сейчас обыденная действительность. Кровь, пролитая отцами и братьями во время гражданской войны, не пропала даром. Она дала обильные выходы побед и достижений.

Трудящиеся Илецкой защиты понимают это и свято чтут память погибших героев. Ежегодно 1 мая и 7 ноября колонны демонстрантов направляются за город, где на пути из Илецкой защиты в станцию Буранную погребены бойцы, павшие в битвах гражданской войны. Над братской могилой, обнесенной изгородью, возвышается памятник. В торжественной тишине, обнажив головы, трудящиеся Илецкой защиты отдадут почести верным сынам народа, своей кровью завоевавшим для трудящихся право на счастливую, озаренную солнцем Сталинской Конституции жизнь, на прекрасное светлое будущее!